

АЛЕКСЕЙ ТИТКОВ

Истоки протеста: что ВЦИОМ измерил и не увидел

Рецензия на книгу:

От плебисцита — к выборам:

Как и почему россияне голосовали на выборах 2011–2012 гг./под ред.

В. Федорова. М.: Праксис, 2013.

Исследование ВЦИОМ, посвященное выборам 2011–2012-х годов, оправдывает ожидания, разочаровывает, не дает готовых ответов и заставляет искать их самостоятельно — таковы главные итоги сборника «От плебисцита — к выборам». Сборник оправдывает ожидания как источник опросных данных и выборной аналитики и наверняка будет полезен многим из 39% столичных жителей, которые, по данным ВЦИОМ, «безусловно интересуются» политикой [От плебисцита..., с. 440–441] и пытаются понять, что произошло в этот период. Почему «Единая Россия» потеряла голоса, а Путин уверенно победил, почему начались протестные митинги и как они сказались на избирательной кампании, и т. д. Отвечает на них, прежде всего, глава М. Мамонова «Выборы 2011–2012 гг.: победители и побежденные», занимающая почти 2/5 общего объема книги. Это добротная прикладная аналитика, последовательная и хорошо обоснованная опросными данными.

«От плебисцита — к выборам» разочаровывает, если ожидаешь увидеть коллективный проект, связанный единой концепцией, сквозной логикой, общим языком. Таким был, например, хрестоматийный «Выбор народа» П. Лазарсфельда, Б. Берельсона и Х. Годе, которых В. Федоров во вступительной главе упоминает как своих методических предшественников [Там же, с. 9]. Логики, концепции, языка нет — вернее, есть у каждого автора своя.

232

Титков Алексей Сергеевич, социолог (МВШСЭН 2010), кандидат географических наук (Институт географии РАН, 1998), доцент философско-социологического отделения РАНХиГС, доцент факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ, преподаватель факультета социальных наук МВШСЭН. Научные интересы: политическая социология, социология религии, культурсоциология.

Предложенный тип исследования, все-таки отличающийся от просто сборника, можно было бы назвать исследованием-омнибусом по аналогии с опросом-омнибусом, в который разные исследователи и заказчики включают вопросы на самые разные темы, не обязательно связанные друг с другом. Общий для всех участников «транспорт», безусловно, есть — панельный опрос ВЦИОМ, проведенный в семь этапов (волн) с октября 2011-го по март 2012 г. Исследователи едут на этом «транспорте» вроде бы вместе, в одну сторону, иногда даже переговариваются друг с другом, но каждый едет в конечном счете по своим делам. Иногда сразу несколько пассажиров замечают одну и ту же примечательную деталь за окном, и все вместе, не сговариваясь, смотрят на нее — и видят опять каждый свое.

Наконец, в сборнике ВЦИОМ нет готовых ответов по той же самой причине: из-за отсутствия общего исследовательского проекта. Каждое из авторских исследований можно считать более или менее продуманным, каждое содержит интересные содержательные результаты. Никто, однако, не сложил их в общую картину, оставив эту работу кому-то внешнему. Конечная задача моей рецензии — не только представить обобщенные результаты исследования ВЦИОМ, но и предложить одну из возможных интерпретаций, которая связывала бы их воедино.

233

Общая логика: каждый за себя

Итак, перед нами, прежде всего, исследование без плана, проблемы и концепции. Чтобы убедиться в этом, достаточно проследить за ключевой, казалось бы, темой, вынесенной в название: переходом «от плебисцита к выборам». Тезис о том, что электоральный цикл 2011–2012 годов характеризуется поворотом «от плебисцитарной модели голосования... к рационально-активистской» действительно открывает книгу [От плебисцита..., с. 4], но дальше теряется, не раскрываясь ни в одной из глав. В заключение В. Федорова мы снова встречаемся с общим тезисом, что выборы 2011–2012-х годов «в гораздо меньшей степени напоминали плебисцит и в гораздо большей — конкурентные выборы» [Там же, с. 476], но без каких-либо разъяснений, чем именно «напоминали», по каким признакам мы отличаем плебисцит от конкурентных выборов¹. Там же вместо «плебисци-

1 Более того, последующие оценки В. Федорова можно понимать как возражения против его же тезиса о начавшемся «повороте от плебисцита к выборам»: отказ от плебисцитарной модели невозможен без подвижек в общественном сознании, а они «довольно незначительны»: протесты были угрозой

тарной модели голосования» вводится со ссылкой на М. Вебера понятие «плебисцитарной демократии», которое называется базовой характеристикой существующего режима¹. Теоретический ход с плебисцитарной демократией (или плебисцитарной моделью голосования), возможно, интересный, но, с точки зрения логики исследования он почти никак не следует из содержания остальных глав исследования, и, наоборот, почти никак не повлиял на работу других авторов². Рационально-активистской модели голосования повезло, кажется, еще меньше, от нее в последующем тексте не остается практически никаких следов³.

Рабочие гипотезы исследования, перечисленные В. Федоровым [с. 12-13], тоже едва ли можно назвать гипотезами в привычном академическом смысле. Они, во-первых, не выводятся из единой теоретической логики, и поэтому непонятно, как согласуются друг с другом. В одном списке перечислены влияние идентичности и влияние медиа, идеология и мобилизационные механизмы. Кто кого переборет, если какая-то из этих причин вступит в противоречие с другой, из текста понять нельзя. Во-вторых, большинство из этих гипотез не предназначены для проверки, и они вряд ли могут быть подтверждены или опровергнуты заранее определенным способом. Скажем, относительно влияния социально-психологического фона утверждается, что «например, тревожность... может

«фэйковой» и несерьезной, а консервативный курс с опорой на «путинское большинство» имеет большие шансы на успех [От плебисцита..., с. 476-477].

- 1 Вебер определяет «плебисцитарную демократию» как особый вид харизматического господства, при котором власть вождя изначально распространяется на преданных сторонников, составляющих его партию, а затем, после победы этой партии, на все государство. Вебер относит этот тип к диктаторам античных и современных революций, таких, как Гракх, Кромвель, Робеспьер, Наполеон [Weber 1978, p. 266-269; Вебер 1988]. Отнесение политического режима в России начала 2010-х годов к такому типу по крайней мере спорно. Вебер, впрочем, предлагает более общее понятие «плебисцитарного господства» (тип господства, промежуточный между харизматическим и легальным), которое не предполагает изначально революционного (популистского) происхождения власти.
- 2 Остальные авторы сборника, кажется, даже не упоминают ни «плебисцитарную демократию», ни «плебисцитарную модель выборов». В главе М. Мамонова вводится понятие «модель плебисцитарного выбора», означающее при внешней схожести совсем другое: особую группу избирателей (примерно четверть от общего числа), которые колеблются между голосованием за партию, которую они поддерживают, и неучастием в выборах [Там же, с. 113-115].
- 3 Рационально-активистская модель политического участия [с. 418] один раз упомянута в главе В. Петухова, но и здесь она «не выстреливает» и даже не разъясняется.

привести к мобилизации вокруг политического субъекта... либо, напротив, к протестному голосованию» — как, спрашивается, можно проверить влияние фактора, о котором заранее известно, что его действие может быть самым разным, вплоть до противоположного. Как следствие, нигде в книге дальше не сказано, какие из гипотез подтвердились, какие нет — они просто где-то потерялись, как и главная идея перехода «от плебисцита — к выборам» (хотя пересечения между гипотезами и содержанием отдельных глав, конечно, обнаруживаются).

Косвенное представление о крайнем разнообразии стиля и кругозора участников проекта дает сравнение подстрочных ссылок в каждом из текстов. Даже из такого формального сопоставления обнаруживаются академические или публицистические склонности авторов, их неравномерная включенность в исследовательскую дискуссию, разная степень опоры на предыдущие разработки, свои собственные или ближайших коллег. Пересечений между списками источников, книг и статей, на которые ссылались бы хотя бы двое авторов, почти нет: исключения составляют только «Русский выбор» В. Федорова [2010], доклады Центра стратегических разработок [Белановский, Дмитриев, 2012] и Левада-центра [Волков, 2012]. В каждом тексте свои предпосылки, свой язык, свой мир, не сводимый к другим (см. таблицу).

235

Структура ссылок (сносок) сборника «От плебисцита — к выборам»
по авторам

Источник	В. Федоров	Л. Бызов	М. Мамонов	Ю. Баскакова	С. Львов	В. Петухов
Собственные работы	-	3	1	3	-	-
Издания ВЦИОМ и ИС РАН	-	2	1	2	2	3
Словари, учебники, классические книги	4	-	1	5	-	1
Статьи в научных журналах и сборниках, диссертации, исследовательские доклады	-	1	-	5	1	5
СМИ, Интернет-сайты	-	12	-	1	6	4
Другое	-	1	-	1	3	-

Обособление участников проекта друг от друга особенно ярко обнаруживается в случаях, когда сразу несколько из них, каждый по своим причинам, начинают заниматься одним и тем же сюжетом. На вопрос, почему в 2011 г. «Единая Россия» потеряла голоса, отвечают сразу три автора, каждый по-своему. По версии М. Мамонова [Там же, с. 127–137], дело в плебисцитарных избирателях, которые были готовы поддержать «Единую Россию», но не пришли голосовать, потому что партия не объяснила им, зачем это нужно. Ту же ситуацию Л. Бызов [с. 85–88] объясняет потерей голосов части лояльных либералов-государственников, которые под влиянием кампании «против жуликов и воров» («яростной атаки либеральных СМИ и рунета») предпочли остаться дома, чтобы избежать морального осуждения друзей и коллег. С. Львов [с. 389–397] объясняет кампанией «голосуй за любую другую партию», которая одновременно отняла голоса у «Единой России» и добавила поддержки партиям-конкурентам. Как соотносятся между собой три объяснения, какое из них считать более правильным и обоснованным — решить эти вопросы (и, наверное, даже задать их) в ходе проекта, судя по всему, не получилось.

Общая база данных панельного опроса 2011–2012-х годов тоже была использована каждым автором, что называется, по своему усмотрению. Возможности панельного исследования, в котором состав респондентов остается одним и тем же, больше всего пригодились М. Мамонову [с. 113–115] для выявления моделей электорального выбора и некоторых других задач, Ю. Баскаковой [с. 298–301] для оценки уровня недовольства, Л. Бызову [с. 82–84] для определения динамики протестных настроений «идеологически чистых» либералов и консерваторов. В большинстве других сюжетов, которые анализируются участниками проекта, похоже, хватило бы обычных опросов, проведенных с такой же периодичностью или даже реже. Складывается впечатление, что инструмент, достаточно редкий в исследованиях предпочтений на выборах, остался недоиспользованным, не раскрыл всех своих возможностей.

Справедливости ради надо заметить, что взаимные влияния, взаимный учет позиций в книге все-таки обнаруживаются. Полдесятка прямых ссылок друг на друга, по одной примерно на сотню страниц¹, заметные влияния идей Л. Бызова, М. Мамонова и, воз-

1 Л. Бызов ссылается на тезис Ю. Баскаковой об экономическом и политическом недовольстве [с. 60–61]; Ю. Баскакова предлагает альтернативу идее В. Петухова о «патриархальном типе политической культуры» [с. 304–306] и проверяет гипотезу В. Федорова о неучастии в выборах как молчаливом одобрении существующего положения [с. 316–319]. М. Мамонов опирается на тезис В. Петухова о «новом запросе на качество жизни» [с. 102–103], а В. Петухов на оценки М. Мамонова о роли активного меньшинства [с. 462].

можно, других участников на вводную и заключительную главы В. Федорова — этого, конечно, недостаточно, чтобы связать 500-страничный том во что-то целостное, но все равно лучше, чем ничего.

В сборнике также можно найти общую мировоззренческую рамку, заданную техникой массовых опросов, общей для всех авторов. Заявленная общая цель проекта («выявление причин изменения политических предпочтений российских граждан» в ходе избирательного цикла [с. 12]), как и проблематика отдельных исследований, основаны на предположении, что доступные нашему наблюдению формы политического поведения могут быть объяснены сдвигами (или, наоборот, устойчивыми чертами) в сознании граждан. Такие сдвиги (или устойчивые черты) могут иметь разное происхождение, но, в любом случае, во-первых, могут быть замерены массовыми опросами и, во-вторых, каким-то образом связаны с другими характеристиками людей и /или среды их проживания (возраст, образование, доход, место жительства, род занятий и др.), которые тоже могут быть замерены. Такая аксиоматика должна быть признана как данность, если мы хотим понять и обсудить результаты исследования.

237

В отсутствие единой концепции, связывающей проект ВЦИОМ, основным ориентиром для чтения и анализа отдельных глав сборника может стать своеобразная версия «обоснованной теории», которая, как и в исходном варианте Б. Глейзера и А. Страусса, выстраивала бы теорию снизу с опорой на полевые данные, в нашем случае опросные. Выводы и теоретические аргументы каждого из авторов будут учитываться в той мере, в которой они подтверждаются опросными данными. Именно такой подход позволит, как мне кажется, найти общую модель, которая объясняла бы непротиворечивым образом результаты, полученные отдельными участниками проекта.

Мозаика ВЦИОМ: собираем детали

В самой обширной главе М. Мамонова ключевым понятием выступает общественный запрос (или политические ожидания), который служит основным стратегическим фактором, определяющим успех или неуспех на выборах [От плебисцита., с 144]. «Общественный запрос» в думской кампании 2011 г. был связан, во-первых, с требованием эффективности власти и ее самоограничением, отказом от привилегий [Там же, с. 102–106]¹; во-вторых, с готовностью боль-

1 Раздражителями, по мнению М. Мамонова [с. 103, 104], стали «несоразмерные привилегии и демонстративное поведение представителей правящей

шинства избирателей к переменам, с преобладающей ориентацией на будущее. В октябре 2011 г. в предложенном ВЦИОМ выборе между «политиком, который может изменить жизнь к лучшему, даже если это связано с риском», и «политиком, который не ухудшит положение», первого предпочли 49% опрошенных против 40% за второго. «Планы о работе на будущее» избиратели тогда же считали более интересными, чем «результаты работы в предыдущий период», — 54% против 35% [с. 148–152].

Неудача «Единой России» объясняется, прежде всего, неспособностью партии ответить на общественный запрос. Кампания с лозунгами стабильности и отчетами о достижениях оказалась нечувствительной к запросу на перемены и образ будущего. Запрос на эффективную и скромную власть изменил отношение избирателей к «Единой России». В 2010 г. главной претензией к правящей партии была ее несамостоятельность («не имеет самостоятельной позиции, делает то, что говорят»), в 2011-м больше стали раздражать неэффективность и коррупция: «разворовывание бюджетных денег, все гребут под себя», «удерживают власть любыми способами», «занимаются болтологией, нет конкретных результатов» [с. 124–126]. Кроме того, на ход выборов повлиял ряд «тактических факторов», в том числе социальное самочувствие. Снижение социального оптимизма также подрывало позиции «Единой России» и добавляло голоса «игравшим на негативе» оппозиционным партиям [с. 154–158; с. 165–166].

238

Уточнить потери правящей партии помогает предложенная М. Мамоновым [с. 113–117] типология избирателей. В зависимости от двух переменных, приверженности одной и той же партии (по М. Мамонову, конформизм) и электоральной активности (готовности участвовать в выборах) выделяются четыре-пять типов.

1. Устойчивое голосование (31,5% опрошенных) — однозначная поддержка одной из партий и высокая готовность прийти на выборы.

2. Плебисцитарный выбор (27,2%) — поддержка одной из партий, слабая мотивация идти на выборы.

3–4. Намерены участвовать в выборах и выбирают между разными партиями — фокусированный выбор (30,1%) при выборе между двумя партиями и случайный выбор (7,9%) при выборе между несколькими.

элиты от миллиардеров до гаишников», причем «вектор общественного возмущения... целит, как и два десятилетия назад, в государственный аппарат, „берущий не по чину“ и окончательно забывший о своем функциональном назначении».

5. Политические дезадаптанты (3,3%) — не собираются идти на выборы и никого не поддерживают.

«Единая Россия» проиграла обе группы, за которые ей нужно было бороться: сторонники партии из группы плебисцитарного выбора не пришли голосовать, а активные избиратели из групп фокусированного и случайного выбора предпочли другие партии. В группе плебисцитарного выбора, состоящей почти на 2/3 из сторонников «Единой России», явка оказалась почти вдвое ниже, чем в группах фокусированного и случайного выбора, в которых «Единую Россию» выбрал только каждый пятый [с. 119, 127, 143]. Избиратели из группы плебисцитарного голосования склонны думать, что «выборы ни на что не влияют», сомневаются в их необходимости, относятся к ним безучастно или с отрицательными чувствами.

В группе фокусированного/случайного выбора связывают с выборами надежды на изменения к лучшему, но не видят однозначно хорошей альтернативы в предложенном наборе партий [с. 127-132]. Удачный ответ «Единой России» на запрос группы фокусированного/случайного выбора и мобилизация плебисцитарной группы привели бы к другому результату выборов, однако ни то, ни другое сделать не удалось.

На президентских выборах часть факторов, мешавших «Единой России» в 2011 г., поменяли знак, и стали, наоборот, помогать кампании В. Путина. Протестные акции конца 2011 — начала 2012 гг. вызвали консервативную реакцию, сделали снова актуальной ценность стабильности (в феврале 2012 г. «политик, который не ухудшит положения» стал более востребованным, чем «политик, который может изменить жизнь к лучшему»: 49% против 38%). За время кампании вырос социальный оптимизм, а ключевые для исхода выборов группы пенсионеров и бюджетников были мобилизованы «новым социальным контрактом», обязательствами, что зарплаты и пенсии будут повышаться, а пенсионный возраст останется неизменным [с. 214-215, 218-226, 234-235].

Сравнивая объяснения, относящиеся к думским и президентским выборам, мы обнаруживаем, что с общественным запросом на эффективную и справедливую власть кампания В. Путин, кажется, ничего сделать не смогла. Результаты вЦИОМовских замеров, показывающие, что в ходе кампании января — марта 2012 г. «не было зафиксировано улучшение рациональных оценок работы власти», изменилось только эмоциональное отношение к В. Путину [с. 276], объясняются, может быть, как раз отсутствием ответа власти на ключевой общественный запрос. По оценке М. Мамонова, эмоциональные эффекты обычно недолговечны; их можно поддерживать какое-то время, внося в повестку моральные и другие

эмоционально значимые проблемы, но вряд ли их хватит на весь президентский срок.

Основная исследовательская проблема, которую модель М. Мамонова оставляет нерешенной — это происхождение общественных запросов на эффективную власть, справедливость и перемены. Догадка М. Мамонова [с. 102–103], который связывает их с запросом на «новое качество жизни», возникшем в обеспеченных «авангардных» слоях общества, подкреплена лишь общими соображениями и поэтому остается в положении непроверенной гипотезы.

Исследование Л. Бызова об идеологических и ценностных предпочтениях обращает внимание на сдвиги (больше на отсутствие сдвигов) в масштабе последних двух десятилетий. Используемая автором с начала 2000-х годов классификация политических и идеологических течений показывает, что «ничего экстраординарного (2011–2012 гг.) не происходит», «структура идеологических предпочтений россиян... остается практически прежней», соотношение «левых», «центристов» и «либералов» почти не изменилось по сравнению с замерами пятилетней давности [с. 36–44].

240

Техника панельного опроса и привычная линейка идеологических групп помогают Л. Бызову отследить динамику протестных настроений с октября 2011 г. по март 2012 г. В эти полгода устойчиво снижалась заявленная готовность к протестам в консервативной и националистической частях спектра и, по версии Л. Бызова, «постепенно росла» готовность к протестам на либеральном фланге, особенно в группе либералов-рыночников [с. 76–77]¹.

Динамика недовольства («дела в стране идут в неправильном направлении») и готовности к протестам для групп «чистых» (т. е. разделяющих большинство ценностей своего типа) либералов и консерваторов также показывает заметную разницу между ними. У последних склонность к протестам падала, а оценка ситуации в стране улучшалась значительно быстрее, чем у первых. Приведенные данные позволили Л. Бызову говорить о процессах сегментации и поляризации протеста по идеологическому признаку, в результате которых протест был «приватизирован либерала-

1 Вывод о постепенном росте заявленной протестной активности двух либеральных групп не подтверждается расчетом: коэффициент линейной регрессии для демократов составляет $-0,29$, для сторонников сокращения вмешательства государства в экономику $-0,43$; другими словами, в этих группах тоже произошел спад, хотя и менее значительный, чем в других.

ми», а значительная часть консерваторов сплотилась вокруг власти [с. 76–77, 82–84]¹.

Вывод об «исключительной стабильности» политического спектра, впрочем, не единственный, следующий из анализа Л. Бызова. Дополнительные возможности открывает предложенная им [с. 59–60] двухмерная типология, отражающая, с одной стороны, идеологические различия между социал-консерваторами и либералами (разные позиции относительно роли государства в экономике), с другой — степень лояльности политическому режиму и его курсу². Такая матрица позволяет обнаружить, что принадлежность к протестному или лояльному секторам иногда оказывается важнее, чем деление по идеологическим взглядам³. В отношении к В. Путину как кандидату в президенты «протестные консерваторы» и «протестные либералы» оказались ближе друг к другу, чем к «лояльным» группам своего идеологического типа [с. 90]. Такую же тенденцию выявил опрос о предпочитаемых ценностях: обе лояльные группы вывели на первое место ценность «порядка», обе протестные — ценность «справедливости» [с. 72–75]⁴.

241

Откуда берется второе измерение, деление на лояльный и протестный сектора, Л. Бызов по большому счету не объясняет. Вызовом предложенной концепции идеологического спектра выглядят также приводимые автором результаты мониторинга Института социологии РАН (май 2012 г.). Странники смены власти («власть должна быть заменена в любом случае») составляют примерно равную долю в разных идеологических группах (коммунисты, со-

- 1 Вывод о «доминировании либералов в протесте» Л. Бызов дополняет оговоркой, что, по данным опросов Левада-центра, проведенных на массовых протестных акциях в Москве, в 2012 г. в составе их участников повышалась доля левых, а доля либералов, наоборот, уменьшалась [с. 79–81].
- 2 В предложенной классификации «лояльные консерваторы» составляют 47% опрошенных, «протестные социал-консерваторы» — 21%, «лояльные либералы» — 15%, «протестные либералы» — 8% [с. 59].
- 3 Л. Бызов также отмечает «углубление размежеваний по принципу „за /против действующей власти“ внутри... идейно-политических ниш» [с. 36–37, 39–40, 45, 94–98], однако авторские рассуждения на эту тему, на мой взгляд, в целом точные и правильные, недостаточно подкреплены опросными данными, оставаясь в большей степени интуитивными экспертными оценками.
- 4 Глава М. Мамонова обращает также внимание на разное понимание «справедливости» сторонниками разных партий. «Ядерные» избиратели «Справедливой России» с подавляющим перевесом (более 3/4) выбрали понимание справедливости как «равенства всех перед законом»; среди устойчивых избирателей «Единой России» такую трактовку выбрала только половина опрошенных, а другим значимым (1/5 опрошенных) ответом стало «каждый может достичь того, на что он способен» [с. 148].

циалисты, либералы и др.), в разных типах поселений, в разных группах по возрасту, образованию и доходам [с. 48-49]. Причину такой равномерности тоже только предстоит выяснить. Объединение протестных избирателей вокруг ценности справедливости, а лояльных вокруг ценности порядка (см. выше) ставит под сомнение не только модель «устойчивого идеологического спектра», но и представления о ценностном консенсусе, служащем опорой для «путинского большинства» [с. 31-36, 72-73]. «Метаидеология» путинского большинства строилась на идеях порядка и справедливости [с. 23-24, 31-32, 35-36]. Теперь мы видим, как две ключевые ценности становятся (пока, может быть, не очень отчетливо) разделяющими политиков и избирателей на два лагеря: за порядок и за справедливость. Мы обнаруживаем ряд тенденций, которые можно заметить и замерить существующими опросными инструментами, но, скорее, их не получается описать и объяснить на языке концепции «устойчивого идеологического спектра».

Выводы главы Ю. Баскаковой, посвященной общественному недовольству и его проявлениям, в самом общем виде сводятся к двум тезисам: 1) существует высокий уровень скрытого недовольства, которое 2) лишь незначительно выражается в политических действиях, таких, как поддержка оппозиции на выборах или участие в протестных акциях [с. 338-339].

Тезис о массовом недовольстве, общем осознании, что «в стране что-то не так», в панельном опросе октября 2011 — марта 2012 гг. выводится, прежде всего, из ответов на вопрос: «Насколько вы согласны, что дела в стране идут в правильном направлении?» Доля считающих, полностью или отчасти, что дела идут в неправильном направлении, в каждом из замеров колебалась от 42 до 48%, но за счет того, что состав недовольных менялся от раза к разу, всего в ходе панели 4/5 всех опрошенных от трех до семи раз ответили, что «дела идут в неправильном направлении», и лишь 5% ни разу не выбрали такой ответ. Другими словами, в каждый момент времени доля недовольных была относительно устойчивой и не критически большой (меньше половины), но в динамике масштабы недовольства оказываются более значительными. Устойчивое недовольство, выбор ответа «дела идут в неправильном направлении» не менее пяти раз из семи, характерно для 56% опрошенных [с. 299-300].

Недовольство положением дел в стране для большинства в изученной выборке напрямую связано с претензиями к власти. В ответе на вопрос, кого считать ответственным за текущую ситуацию, доля возложивших ответственность на «саму власть (народ здесь ни при чем)» оказалась почти вдвое больше, чем доля считающих

ответственным «все население», 53% против 28% [с. 304]. Баскакова замечает, что позиция «ответственна власть» более характерна, во-первых, для недовольных положением дел, во-вторых, для сомневающихся в честности выборов: среди ожидающих (в ноябре 2011 г.), что «выборы пройдут честно», варианты «ответственна власть» и «ответственно население» распределились почти поровну (40% и 39%), а среди ожидающих, что «власть фальсифицирует результаты», позиция «ответственность несет власть» преобладает (65% против 22% [с. 305–306]¹. Связь между двумя этими характеристиками, отношением к выборам и распределением ответственности, Ю. Баскакова видит в том, что «по мере нарастания сомнений в качестве избирательных процедур увеличивается доля отказывающихся от личной ответственности за происходящее в стране». Идея такой причинно-следственной связи сейчас выглядит скорее догадкой, чем доказанным тезисом (одной таблицы пересечений для доказательства недостаточно), но заслуживает внимания, особенно если подкрепить ее каким-либо теоретическим обоснованием, например, популярной в экспериментальной психологии концепцией «выученной беспомощности» (learned helplessness) М. Селигмана².

Важное для понимания характера недовольства и протеста различие «политического» и «экономического» типов недовольства Ю. Баскакова выводит из сравнения двух показателей: недовольство положением дел в стране («дела идут в неправильном направлении») и одобрение работы президента и правительства. По этим показателям выделяются жители Москвы и Петербурга, которые в меньшей степени недовольны положением дел и одновременно более критически настроены по отношению к власти. По сравнению со столицами вся остальная страна выглядит, наоборот, менее довольной и более лояльной. Для Ю. Баскаковой это значит, что «экономическое и политическое недовольство находятся на разных географических полюсах» [с. 301–302]. Такое раз-

-
- 1 По тем же данным доля ожидающих фальсификаций составляла треть от числа опрошенных, заметно больше, чем доля верящих в честные выборы (1/5).
  - 2 Концепция предполагает, что люди или животные становятся беспомощными, неспособными предотвратить неприятные события прежде всего из-за предыдущего опыта, в котором избавиться от таких последствий было невозможно. В раннем опыте М. Селигмана и С. Майера гипотеза проверялась в эксперименте с двумя группами собак, в одной из которых собаки могли защититься от удара электрическим током (отключить источник), а в другой нет. Собаки из второй группы оказались неспособными защищаться от боли даже после того, как такая возможность появилась [см. Seligman, 1975].

личие для автора оказывается важным для понимания судьбы уличного протеста 2011-2012-х годов. Движение проявило себя «в первую очередь в столицах, где уровень социально-политического недовольства максимален, а социально-экономического, напротив, минимален», протестующие выдвигали «требования, не отражающие природу недовольства жителей страны в целом» [с. 336-337]. Здесь, как и в случае с соотношением между «не верят в честность выборов» и «считают власть ответственной», мы имеем дело с мыслью, не до конца продуманной, но от этого не менее важной. С одной стороны, определение недовольства в регионах как преимущественно экономического мало чем обосновано: считать, что «дела в стране идут в неправильном направлении» (и при этом не возлагать прямой ответственности на первых лиц государства), можно по самым разным причинам, совсем не обязательно экономическим. С другой — обнаружены (хотя, может быть, неточно названы) действительно значимые различия между столицами и остальными регионами, которые в любом случае должны быть объяснены.

В. Петухов в разделе о политической активности и гражданском участии отмечает, что на общем фоне по-прежнему невысокого участия в политике и гражданских объединениях все-таки заметны некоторые важные сдвиги. По сравнению с серединой 2000-х годов выросла доля граждан, считающих, что они «хорошо представляют, что происходит в политике и государственных делах» (33% в 2005 г., 40% в 2012 г.), и снизилась доля считающих, что «такие, как они» не имеют возможности влиять на действия правительства (69% в 2005 г., 61% в 2012 г.). Другими словами, почти каждый десятый стал себя чувствовать более компетентным и в большей мере способным повлиять на политику [с. 433-434]. Среди активной части граждан, участвующих в какой-либо общественной или политической активности, главным декларируемым мотивом становится желание «изменить жизнь к лучшему» в своем городе или стране (25% в 2005 г., 41% в 2012 г.) [с. 433-436].

Наконец, заметнее всего вырос интерес к формам участия, связанным с выборами и избирательными кампаниями: немало опрошенных готовы работать наблюдателями (16%), членами избирательных комиссий (14%), агитаторами или сборщиками подписей (10%), выдвигаться кандидатами в депутаты (13%). Все эти показатели в несколько раз выше, чем доля имеющих соответствующий опыт, то есть наблюдается значительный прирост новых людей, готовых попробовать такие занятия [с. 443-444].

Новые тенденции проявились в столицах и среди молодежи. Москва и Петербург резко оторвались от других типов населенных пунктов по доле «безусловно интересующихся» политикой (39%,

примерно вдвое больше, чем в «миллионниках» и «полумиллионниках») [с. 440–441].

Молодежь, особенно до 25 лет, по-прежнему интересуется политикой меньше, чем другие возрастные группы (в 2012 г. 37% при средних 51%), но именно здесь рост интереса к политике (с 27% в 2005 г. до 37% в 2012 г.) оказался самым заметным [с. 437–439].

Глава С. Львова о политически чувствительной теме фальсификаций на выборах важна в части, посвященной отношению граждан к выборам и возможным фальсификациям на них. Львов обращает внимание, что в конце декабря 2011 г. прошедшие думские выборы критически оценивала значительная часть даже лояльных избирателей: вариант «эти выборы трудно назвать честными и свободными» выбрали 45% всех опрошенных и 29% сторонников В. Путина [с. 411–413].

Другое важное наблюдение состоит в том, что доверие к выборам и избирательным комиссиям было заметно подорвано в период между 2007 и 2011 гг. За это время выросла доля избирателей, которые считают, что свободные выборы в стране «не прижились» (с 9% до 22%), что думские выборы «полностью» или «скорее» не соответствуют законодательным нормам (с 19% до 30%), что Центризбирком «часто нарушает закон, стремясь подыграть определенным партиям и кандидатам» (с 20% до 36%) [с. 378–382]. Как замечает С. Львов, «уже на старте выборной кампании-2011 значительная часть (около трети от общего числа) избирателей в принципе не доверяла честности российских выборов», что создавало «питательный субстрат для сообщений о массовых нарушениях и фальсификациях» [с. 378].

Причины падающего доверия к выборам и «повышенной восприимчивости общества» к разговорам о фальсификациях С. Львов не разбирает, но стоит предположить, что в какой-то мере они могут быть связаны с опытом (личным или по рассказам друзей и коллег) знакомства с административным давлением. По данным панели ВЦИОМ 2011–2012-х годов, примерно 4–6% избирателей сталкивались с требованиями голосовать за определенную партию или кандидата, которые в большинстве случаев сопровождалась угрозами или попытками подкупа; порядка 16–22% избирателей сообщили, что слышали о таких случаях от других [с. 356–360, 364–365].

Переходя от настроений избирателей к собственно фальсификациям, были они на выборах или нет, где и в каком масштабе, С. Львов переключается с аналитики на стиль «Комсомольской правды», пространно рассуждает о «сконструированных мифах», политтехнологиях, «цветных революциях», постмодерне и других лишних сущностях. Убрав риторику за скобки, мы обнаруживаем в сухом остатке оценку фальсификации в Москве в декабре 2011 г.

в 6–11%: верхняя граница — это оценка проекта «Гражданин-наблюдатель», а нижнюю С. Львов выводит из собственных предвыборных опросов ВЦИОМ [с. 366–367]. Значительные фальсификации в других регионах С. Львов отрицает, поскольку они не подтверждаются, как в Москве, опросными данными¹. Для нашей темы вопрос о других регионах можно считать второстепенным, поскольку массовые нарушения даже в одной только столице, где сосредоточена значительная часть недовольных и политизированных избирателей, могли стать достаточно сильным толчком, запустившим протестную волну.

Мозаика ВЦИОМ: складываем картину

Набор выводов, догадок, измеренных, но не до конца объясненных тенденций, полученных авторами сборника ВЦИОМ, можно было бы так и оставить россыпью интересных деталей, не связанных друг с другом, но научное любопытство подталкивает узнать, как они все-таки складываются в единое целое.

Подсказкой в поиске связей между отдельными утверждениями выступит предложенная Б. Латуром [2012] схема стадий «политического», сменяющих одна другую в ходе политизации какого-либо предмета. Результаты проекта ВЦИОМ могут быть отнесены к двум ранним стадиям: «политическое-2», или прагматистская модель политического, предполагает образование публики, которая складывается вокруг какого-либо предмета беспокойства. Появление «политического-2» означает, что обычная рутина где-то нарушена, «что-то пошло не так» и какая-то группа людей озабочена этим нарушением. «Политическое-2» по своему смыслу во многом похоже на понятие «общественного запроса», как его используют М. Мамонов и другие авторы сборника ВЦИОМ. «Политическое-3», следующая стадия, близкая пониманию «политического» в классических политических теориях от Аристотеля и Макиавелли до Шмитта, характеризуется соотношением предмета беспокойства с темами общей воли и общего блага, с полити-

---

1 Возможно, С. Львов признал бы также высокую вероятность массовых приписок на Северном Кавказе, которая косвенно подтверждаются опубликованными в журнале ВЦИОМ результатами опроса С. Хайкина (Институт социального маркетинга) летом 2011 г. По данным С. Хайкина, каждый пятый житель северокавказских республик не участвовал в выборах «никогда», каждый третий участвует «редко» [Хайкин, Попов, 2012, с. 66]: это никак не согласуется с предельно высокой официальной явкой в этих регионах (свыше 90% в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Чечне в декабре 2011 г.).

ческим целым (полисом, государством) и его ценностями [Латур, 2012, с. 247-248, 251].

Признаки появления публики, чем-то обеспокоенной, мы обнаруживаем в критически большом числе людей, считающих, что «дела в стране идут в неправильном направлении» (Баскакова), и в высокой доле готовых к переменам даже с риском для стабильности (Мамонов). Предметом беспокойства оказывается власть, которую считают ответственной за неправильное положение дел (Баскакова). Массовые подозрения в коррупции и неэффективности власти в 2011 г. сказались на отношении к правящей партии (Мамонов). Повсеместное распространение предмета беспокойства — государственный аппарат встречается повсюду и везде влияет на жизнь людей — объясняет, почему недовольство также распределено относительно равномерно, поверх привычных идеологических и социально-демографических различий (Бызов).

247

На стадии «политического-3» общей ценностью, объединяющей недовольных, оказывается справедливость в смысле равенства всех перед законом (Бызов, Мамонова). Идеи справедливости и равенства перед законом (Бызов, Мамонов) вместе с противопоставлением «власти» «народу» (Баскакова), создают общие контуры широко популистского движения или, вернее, условий, делающих такое движение возможным.

Далее мы обнаруживаем одним из значимых предметов недовольства институт выборов, недоверие к которому со второй половины 2000-х годов существенно выросло (Львов). Недоверие к выборам и установка «за положение в стране ответственна власть» сильно коррелирует друг с другом (Баскакова), вероятно, из-за того, что отношение к выборам представляет собой частный случай общего беспокойства состоянием государства. Личный опыт граждан, которые сами сталкивались с предвыборным административным давлением или слышали о таком давлении от друзей и коллег (Львов), был, возможно, одним из основных источников массового недоверия к выборам, неверия в их честность.

Прорывным направлением гражданской активности, где участие и готовность участвовать в 2011-2012 годах заметно выросли по сравнению с серединой 2000-х годов, также стала волонтерская деятельность, связанная с выборами (Петухов). Причин, почему именно выборы оказались точкой фокуса для массового недовольства качеством государства, обнаруживается сразу несколько. Выборы, во-первых, по своей природе требуют от граждан активного участия, в отличие от других частей государственного управления, где граждане выступают, как правило, всего лишь потребителями государственных услуг. Во-вторых, власть сама регулярно убеждает граждан в исключительной важности выборов («решается судьба

страны»). Выборы, наконец, представляют собой простую процедуру, для понимания которой (подача бюллетеней, подсчет голосов, распределение мест) достаточно первых классов начальной школы. Выборы не выглядят какой-то загадочной областью, доступной лишь посвященным экспертам, в них может разобраться каждый. Примерно такой набор условий и нужен для перехода скрытого недовольства в активный протест.

Последним важным элементом общей картины оказывается выделение из среды обеспокоенной публики ее более активной части, готовой к открытому протесту. Растет доля граждан, которые считают себя компетентными в политике и верят в возможность изменить ситуацию своими силами (Петухов). Среди избирателей выделяется «группа сфокусированного выбора», которая надеется на процедуру выборов, но не видит достойных кандидатов и ищет им альтернативу (Мамонов). Активная часть недовольной публики концентрируется, прежде всего, в столицах, где обнаруживаются самая большая доля (и динамика роста) интересующихся политикой (Петухов) и самый низкий уровень поддержки президента и правительства (Баскакова)¹.

248

Перечисленных элементов достаточно, чтобы объяснить динамику событий 2011–2012-х годов. Думские выборы позволили активной части публики («группе сфокусированного выбора») выразить свое недовольство: кампания «против жуликов и воров» отвечала их ожиданиям (справедливость, равенство перед законом), а лозунг «голосуй за любую другую партию» подсказывал способ действия. Кампания «против жуликов и воров, за любую другую партию» оказалась результативной и заметно повлияла на результат выборов (Львов, Бызов). Попытки сторонников правящей партии переписать результаты выборов, были, вероятно, не повсеместными, они обнаружились, прежде всего, в Москве (Львов), но и таких точечных нарушений в месте концентрации активно недовольных граждан оказалось достаточно, чтобы взорвать ситуацию.

Президентская кампания 2012 г. оказалась успешной для власти за счет обращения к ценностям порядка и стабильности (Бызов, Мамонов), акцентирования страха перед непредсказуемыми последствиями протестов (Мамонов, Львов), успешной игры на противоречиях внутри протеста (Бызов), материальных стимулов для бюджетников и пенсионеров (Мамонов) и частичных уступок по-

1 Описанное деление на группы открытого (активного) и скрытого недовольства примерно соответствует предложенному Ю. Баскаковой разделению на «политическое» и «экономическое» недовольство.

вестке «честных выборов» (Львов). Выборы, однако, не решили ключевые проблемы качества и эффективности государства (Мамонов), вследствие чего образование недовольной публики и ее мобилизация под лозунгами справедливости (равенства перед законом) продолжатся.

Критики предложенной схемы, скорее всего, укажут на неполноту, недоучет в ней существенных деталей, например, других, помимо выборов, фокусов массового недовольства (коррупция, полиция, мигранты и др.). Кроме формального оправдания, что реконструкция изначально была ограничена данными и выводами исследователей ВЦИОМ и не могла по условиям задачи выходить за эти рамки, в защиту схемы можно привести и содержательные доводы. Прежде всего, она объясняет, почему именно честные выборы, а не какая-либо другая проблема, стали главным лозунгом и символом протестного движения¹. Можно в любом случае надеяться на последующую дискуссию в связи с предложенной схемой, и что исследователи из ВЦИОМ, столько сделавшие для ее появления, примут в ней участие.

249

Библиография

1. Белановский С., Дмитриев М. Политический кризис и возможные механизмы его развития // Центр стратегических разработок. 2011. 28 марта. (<http://new.csr.ru/index.php/ru/published-works/our-media/228-2011-03-28-16-38-10>)
2. Волков Д. Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты // Левада-центр. 2012 (<http://www.levada.ru/books/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg>)
3. Вебер М. Харизматическое господство // Социологические исследования. 1988. № 5. С. 139–147.
4. Латур Б. Коперниковский поворот в политической теории // Социология власти. 2012. № 6–7. С. 235–254.
5. Федоров В. Русский выбор: Введение в теорию электорального поведения россиян. М.: Праксис, 2010.
6. Хайкин С., Попов Р. Протестные настроения на Северном Кавказе: общее и особенное // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 5 (111). С. 59–74.
7. Seligman M. *Helplessness: On Depression, Development, and Death*. San Francisco: W. H. Freeman, 1975.
8. Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1978.

¹ О «честных выборах» как символическом означающем для широкого круга проблем, не связанных напрямую с выборами, см. статью Н. Савельевой в этом выпуске журнала. — *Ред.*

References

1. Belanovskiy S., Dmitriev M. (2011) *Politicheskiy krizis i vozmozhnye mekhanizmy ego razvitiya. Tsentr strategicheskikh razrabotok. 28 marta.* (<http://new.csr.ru/index.php/ru/published-works/our-media/228-2011-03-28-16-38-10>)
2. Fedorov V. (2010) *Russkiy vybor: Vvedenie v teoriyu elektoral'nogo povedeniya rossiyan. M.: Praksis.*
3. Khaykin S., Popov R. (2012) *Protestnye nastroyeniya na Severnom Kavkaze: obshchee i osobennoe. Monitoring obshchestvennogo mneniya. № 5 (111). S. 59–74.*
4. Latur B. (2012) *Kopernikovskiy povorot v politicheskoy teorii. Sotsiologiya vlasti. № 6–7. S. 235–254.*
5. Seligman M. (1975) *Helplessness: On Depression, Development, and Death. San Francisco: W. H. Freeman.*
6. Veber M. (1988) *Kharizmaticheskoe gospodstvo. Sotsiologicheskie issledovaniya. № 5. S. 139–147.*
7. Volkov D. (2012) *Protestnoe dvizhenie v Rossii v kontse 2011–2012 gg.: istoki, dinamika, rezul'taty. Levada-tsent. (<http://www.levada.ru/books/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg>)*
8. Weber M. (1978) *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.*